А. Н.
МОШИН

Избранное

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Мне вспоминается небольшой уютный кабинет А.П. Чехова в его ялтинской даче. За письменным столом и за изящным рабочим креслом – в алькове оттоманка, а над нею – картина Левитана. И на противоположной стене на камине – фреска Левитана «Стога сена». Под широким окном – диван, а к нему повернуто приставленное боком к письменному столу большое удобное мягкое кресло…»

- Алексей Николаевич Мошин
  - ○

Алексей Николаевич Мошин
Из воспоминаний о Чехове

Мне вспоминается небольшой уютный кабинет А.П. Чехова в его ялтинской даче. За письменным столом и за изящным рабочим креслом – в алькове оттоманка, а над нею – картина Левитана. И на противоположной стене на камине – фреска Левитана «Стога сена». Под широким окном – диван, а к нему повернуто приставленное боком к письменному столу большое удобное мягкое кресло. Панно из покрытых автографами фотографий знакомых Чехова – на столе у входа в кабинет.

Сюда 25 августа 1901 года из соседней комнаты провел меня Антон Павлович Чехов, заслоняя на минуту дверь своей большой высокой фигурой; крепко, энергично пожимая мою руку, усадил радушно на кресло, а сам сел на диван под окном и откинулся на спинку дивана, заложив ногу на ногу. Этой спокойной удобной позы он не переменил, пока мы беседовали.

Сквозь пенсне он смотрел на меня открытым, прямым умным и внимательным взглядом.

Как-то своеобразно приятным, симпатичным казался его грубоватый жесткий, «толстый» голос, и звучало в этом его голосе как будто что-то надтреснутое, больное.

Он говорил простым, почти народным языком, и в каждом его слове чувствовалась правда, искренность и доброжелательство.

– Мне кажется, не совсем удачно вы назвали свою книжку: «Штрихи и настроения». Штрихи – не русское слово…

– Что за дивная эта маленькая фреска у вас над камином, Антон Павлович, – эти стога сена там, в нашей московской полосе… Это Исаака Ильича, должно быть?..

– Да, это Левитана… А каким он вам казался сам?.. Плох был здоровьем… Умер…

– Очень был слаб… А какое было сердце!.. Непременно хотел меня порадовать, новые работы в своей мастерской показать… Там в Москве, в Трехсвятительском переулке… Лестница в мастерскую только на высоту комнаты, а и трудно же было ему подниматься… Поднимет ногу на ступеньку, другую ногу на ту же ступеньку поставит и на несколько секунд остановится, передохнет, потом так же на вторую ступеньку… И так – пока в мастерскую поднялся… А там сразу сел и несколько минут отдыхал… Потом стал показывать картины, и только лишь те, что закончены, а начатых работ очень просил меня не смотреть… В другой день приготовил к моему приходу множество своих

этюдов и за мои небольшие деньги разрешил мне выбрать любой этюд из всех. Я выбрал очень маленький по размеру, но такой, который как раз и самому Левитану нравился, как он мне потом сказал, подписав этюд, и он этому был рад… Потом написал мне, звал радушно опять… Что за милый он был человек – этот гениальный пейзажист… А вас он как любил, Антон Павлович!..

– Да ведь, Алексей Николаевич, и я его очень любил…

Мы заговорили о Мачтете, который умер в Ялте несколько дней назад.

– Зря помер человек… – сказал Чехов и спросил меня: – Вы давно познакомились с Григорием Александровичем?

– Я привез ему в 1891 году из Сибири, из Ишима и Тюкалинска, письма его товарищей по ссылке… Тогда Мачтет жил в Москве, на Плющихе… У него собирались писатели… Бывал у Мачтета и Лев Николаевич Толстой, с которым тогда еще мне не выпадало счастливого случая встретиться… Встречал я В.Е. Ермилова и других… Потом, живучи в разных городах, мы с Мачтетом переписывались, потом был в гостях он у меня в Петербурге и я у него в Житомире… В 1897 году снялся он со мной вместе в Петербурге в фотографии Ануфриева… А за несколько лет до того он помог мне пристроиться на службу в железнодорожный контрольный отдел… Он и сам до того служил там некоторое время… Нуждался в определенном заработке, чтобы не слишком насиловать свое литературное творчество…

– Да, я знаю… У вас целы его письма?..

– Конечно, храню… Больше двадцати его писем.

– Отдадите в печать?

– Много мест в его письмах ко мне не могут пройти в печати по цензурным условиям… {Потом, в 1905 году, письма Г.А. Мачтета ко мне были напечатаны в сборнике «Комета», изданном в С-Петербурге.}

Заговорили о Кучук-Кое, куда я собирался ехать.

– Я люблю Кучук-Кой, – сказал Чехов. – Тихий уголок… Жаль, редко приходится там бывать…

Когда я начал прощаться, Чехов встал и опять энергично, крепко пожал мне руку и шел со мною до передней.

На террасе ждали Чехова сидевшие там в это время Орленок и Дорошевич.

Из-под тени чеховского дома я вышел на залитую ярким солнцем дорогу, что шла по улице Верхней Аутки мимо кипарисов и небольших домиков, спускаясь с горы к богатым улицам Ялты и к морю. Широкий, дивный вид открывается с того места, где приютилась дача А.П. Чехова.

Но не любил Чехов ярких красок юга и в тени своего кабинета

отдыхал усталым взором на пейзажах своего друга Левитана, так живо и верно передававших настроение серенького северного дня.

Вот три письма, которые получил я затем от Антона Павловича Чехова.

14 февраля 1902 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич! Я, по получении от Вас письма, наводил справки насчет какого-нибудь доброго дела в память покойного Г.А. Мачтета и теперь могу сообщить Вам следующее. В Ялте существует благотворительное общество, помогающее больным, главным образом, чахоточным (между прочим, оно содержит дачу «Яузла», в которой живут небогатые больные), и вот это общество собирает капитал имени покойного Г.А., чтобы помогать литераторам, которые больны чахоткой и нуждаются. Пожертвования принимает Сергей Яковлевич Елпатьевский, живущий в Ялте, в собственном доме. Состоит он в обществе членом правления. К нему и адресуйтесь. Благотворительное общество делает много добра. Приношу Вам сердечную благодарность за фотографию и за рассказ «Оценка жизни», который я прочел с удовольствием, и остаюсь уважающий Вас и готовый к услугам

А. Чехов.

Если понадобятся Вам еще какие-либо справки, то, пожалуйста, не стесняйтесь и пишите, я готов служить.

6 марта 1902 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич! Присланную Вами фотографию подписал и возвращаю с большой благодарностью. Здоровье Л.Н. Толстого поправляется, и то, что сообщается в газетах вообще об его здоровье, не расходится с истиной. Желаю Вам всего хорошего и еще раз благодарю. Искренне Вас уважающий

А. Чехов.

9 марта 1903 г.

Многоуважаемый Алексей Николаевич! С г. Ч-ровым я не знаком, не знаю его, и в чем его вина, из письма Вашего я не уяснил себе. Благоволите сами написать ему, я же положительно не знаю, как и о чем я должен говорить с ним. Да он не стал бы и слушать меня. Желаю

Вам всего хорошего. Искренно уважающий Вас

А. Чехов.

Вина г. Ч-рова, о котором упоминается в последнем письме, относилась, главным образом, к нему, Антону Павловичу Чехову, и то обстоятельство, что он не пожелал «уяснить себе» этой вины, является еще одним штрихом к характеристике А.П. Чехова как хорошего человека.

А самый вид моих маленьких реликвий – этих строчек нервного прерывистого почерка художника слова – живо мне напоминает и набросавшего их простого сердечного человека, и дивные создания его таланта, и его уютный уголок близ моря, среди кипарисов и яркой лазури знойного юга.